

В. М. Сардушкин

О СРЕДНЕМ И ОБОЮДНОМ РОДЕ В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ

О понятии «средний род»

Средний род в традиционном для грамматики большинства имеющих род индоевропейских языков понимании (равноправный член триады *Masc.—Fem.—Neut.*) из шести рассматриваемых в данной статье языков есть только в четырех: болгарском, македонском, сербохорватском и новогреческом.

Для румынского языка традиционное определение третьего родового класса (не мужской и не женский род) как «среднего рода» (*neutrum*) подверглось резкой критике еще в 1950-х годах. Так, К. Бэйзел писал: «Комбинация двух родовых классов не является особым третьим родовым классом» [1]. Существительным, которые в единственном числе имеют морфологические и синтаксические признаки мужского рода, а во множественном — женского, гораздо больше подходит название «обоюдный род» (*ambigenium*). Оно и принято в современных работах (см. напр. [2, с. 593 и след. стр.]). В албанском языке есть аналогичный румынскому обоюдному («среднему») роду по всем признакам класс имен существительных, но его никогда не называли «средним родом» и вообще обычно не выделяют в особый родовой класс, хотя для такого выделения есть достаточные основания (см. с. 212–213).

В албанских грамматиках выделяется совершенно иной класс существительных среднего рода, о котором есть ряд научных работ (см. с. 211–212). Здесь уместно лишь сказать, что в албанских грамматиках он по ряду обоснованных причин обычно «не рассматривается... наряду с двумя другими родами» [3, с. 134].

Средний род в болгарском и македонском языках

В данных языках к среднему роду относятся все неличные существительные, оканчивающиеся на *-e*, *-i*, *-o*, *-u* (за исключением названий месяцев на *-i*), а также часть личных существительных, оканчивающихся на эти гласные. Среди существительных среднего рода исконные для этих языков имена могут оканчиваться только на *-e* или *-o*, а иноязычные заимствования также на *-i* или *-u*, например: *реми* «ничья» (из франц. *remis*), *интервju* «интервью». Р. П. Усикова утверждает, что в македонском языке при распределении по родам одушевленных существительных «роль пола относительна, не является главной» [4, с. 119]. В качестве основного аргумента она приводит именно отнесенность к среднему роду нескольких групп личных существительных, а именно слов, обозначающих детей: *момче* «мальчик, парень», *девојче* «девочка, девушка»; существительных с уменьшительными или увеличительными суффиксами: *братче* «браташка» (уменьш.), *свериците* «зверюга». При этом Р. П. Усикова не проводит разграничения между личными существительными и наименованиями животных (давая и те и другие в одном списке примеров на соответствие рода морфологической модели [4]). С такой позицией согласиться трудно, потому что лингвистическая типология показывает, что существительные тех групп, к которым можно отнести данный тезис (диминутивы, типа болг. *човече*

«человечек», *Пете, Анче*, макед. *братче*) и обозначения невзрослых лиц (болг. *дете* «ребенок», *момчे* «мальчик», *момиче* «девочка»), а также дерогативы типа болг. *диване* «дикарь», *конте* «щеголь», *мекере* «негодяй», болг. и макед. *врескало* «плакса», болг. *врънкало* «ворчун», болг. *плескало*, макед. *кречетало* «болтун, болтуны», *мрало* «лентяй, лентяйка» в языках мира нередко «ведут себя» не так, как остальные личные существительные, и, в частности, у них может быть не выражен или слабо выражен семантический признак пола, вследствие чего их родовая отнесенность устанавливается вопреки семантике пола, по чисто формальным морфологическим показателям (в частности, ср. нем. *das Mädchen* «девочка, девушка» и др. немецкие существительные среднего рода с суффиксом *-chen*); о данном явлении в древних индоевропейских языках подробно писал М. Я. Немировский, указывавший, что «средний род означал искони не бесполость, а недоразвитие пола, служа для названия детенышей животных и потомства человеческих существ» [5, с. 93]. Аналогичное явление имело место и в албанском языке, в котором в XVI в. существительное *djalë* испытывало колебания между средним и мужским родом, в исконном значении «младенец» чаще относясь к среднему роду (*djalë-të*); приобретя со временем значение «мальчик, юноша; сын», это существительное было морфологически переоформлено (*djalë — djalı*) и перешло в класс мужского рода [6, с. 129–130].

Что же касается существительных, обозначающих взрослых лиц, за исключением диминутивов, дерогативов и имен с увеличительными суффиксами, то такие существительные, как отмечают и Ю. С. Маслов, и Р. П. Усикова, в болгарском и македонском языках неизменно распределяются по мужскому и женскому родам согласно семантике пола их денотата, независимо от морфологических показателей. Ср. болг. *мъж-ът* (макед. *маж-от*) «мужчина» (с «членом» мужского рода) — *баща-та* «отец» (с членом женского рода) — болг. *чично-то* (макед. *чичко-то*) «дядя» (с членом среднего рода). В этих трех взятых для сравнения примерах определенный артикль (член) того или иного рода избирается в зависимости от окончания общей формы, типичного для того или иного рода. Однако окончание общей формы и зависимая от него членная форма в литературном языке в действительности не являются определяющими род показателями, так как все вышеназванные существительные согласуются только по мужскому роду: *мъж-ът* (*баща-та, чично-то*) *добръ* — «добрый мужчина (отец, дядя)». То же самое и при препозитивно расположенному прилагательном, только в этом случае уже и форма определенного артикля избирается согласно семантике пола денотата: *добри-ят мъж, баща, чично* (-ят — фонетический вариант определенного артикля мужского рода *-ът*). При анафорической соотнесенности существительных всех трех вышеназванных типов также обнаруживается их бесспорная принадлежность к мужскому роду: *мъж-ът, баща-та, чично-то* — *той* — «мужчина, отец, дядя — он» [см.: 4; 7; 8].

Существительные — названия взрослых лиц, даже если они относятся к характерной для среднего рода модели с исходом основы на *-e, -o, -i, -u*, по данным обоих авторов (а также и по другим данным) распределяются по родам согласно семантике пола денотата. Существительные, обозначающие лиц мужского пола, относятся к мужскому роду, например болг. *дядо* «дед», *чично* «дядя» (со стороны отца), *вуйчо* «дядя» (со стороны матери), *лъжъло* «лгун», *слепчо* «невежда», заимствования типа *маestro, денди, гуру*¹, мужские имена типа *Алеко, Блажо, Петко, Христо*, мужские имена с исходом на *-e* (*Митре* —

¹ Существительным *пальчачо* и *николо* «клоун, шут» в разных словарях приписываются разные грамматические значения — мужского или среднего рода, что, по-видимому, обусловлено их экспрессивностью [9, с. 95].

сокращенное от *Димитър*, и т. п.) и с исходом на *-и* (*Георги, Добри* и т. п.). То же самое в македонском языке, например *татко* «отец», *стрико* «дядя со стороны отца», *плачко* «плакса», *вуйче* «дядя», мужские имена типа *Јане, Петре, Ѓорѓи, Марко* и т. д. Напротив, женские имена на *-е, -и*, типа *Лиле, Маре, Махи* и т. д., а также отдельные обозначающие женщин иноязычные заимствования типа *леди*, относятся к женскому роду: *хубавата леди* («прекрасная леди» [пример цит. по: 10, с. 26]). Р.П. Усикова отмечает возможность согласования имен типа *Лиле, Маре* по среднему роду, если они обозначают девочек, не достигших взрослого возраста: *мојата/моето Лиле, Маре* [4, с. 119], что не противоречит описанным выше принципам.

Колебания в роде иногда наблюдаются также у недавних иноязычных заимствований, особенно со слабо выраженной семантикой пола, например *болг. парвеню* (употребляется и в среднем, и в мужском роде [8, с. 130]), *протеже* [11, с. 149]. В данном случае «уточнение естественного пола лица не является актуальным» [10, с. 118]. Л. В. Мельникова в приведенной цитате имеет в виду, что данные существительные могут «употребляться для названия лиц как мужского, так и женского пола» и указывает на их сходство с именами общего рода («ср. с ИС общего рода» [там же]). Что касается существительных той же морфологической модели, но с более четко выраженной семантикой пола, типа *аташé* («атташе»; дипломатическая профессия по-прежнему считается преимущественно мужской), литературная норма как в болгарском, так и в македонском языке относит их к категории мужского рода [4, с. 119; 8, с. 130; 10, с. 117–118; 12, с. 17].

Итак, в болгарском и македонском языках к среднему роду могут относиться существительные, оканчивающиеся на гласные *-е, -и, -о, -у*, и из них действительно относятся к этому роду все неличные, а также обозначения невзрослых лиц, диминутивы с суффиксами *-е, -че, -иче, -ле, -енце, -ченце* [8, с. 130]; примеры см. выше), увеличительные с суффиксом *-ице*: *женище* «бабища» [там же], заимствования, которые могут обозначать лиц обоих полов и негативно окрашены эмоционально [11, с. 149]. Остальные же личные существительные данной морфологической модели получают родовую отнесенность согласно семантике пола денотата; описанный выше круг исключений из этого общего принципа в болгарском и македонском языках довольно широк, но не противоречит общим принципам, прослеживающимся в типологии категории грамматического рода.

Средний род в сербохорватском языке

Существительные среднего рода в сербохорватском языке в именительном падеже единственного числа могут иметь только два окончания: либо *-о*, например *дόбро* «имущество», *јело* «пища», *писмо* «письмо», либо *-е*, например *лице* «лицо», *пíхе* «напиток». Исключением является слово *добра* «пора, время» [13, с. 53, прим. 6]. В числе существительных среднего рода, как и в болгарском и македонском языках, имеются обозначения невзрослого потомства людей и животных, например *дёте* «ребенок», *мáче* «котенок» (см. выше). Сюда же относятся сербские диминутивы с суффиксом *-че*: *унуче* «внучек», *каменче* «камешек».

В сербохорватском языке имеется также группа существительных с суффиксом *-ло*, характеризующихся колебаниями между мужским и средним родом (*тaj* блебетало (м. р.) «тот болтун» или *то* блебетало (ср.р.)) [13, с. 55].

В словаре И. И. Толстого [14] большинство таких существительных имеют помету с. «средний род», например *баљезгало* с., *бенетало* с. «пустомеля, болтун», *грдило* с. «урод», *локало* с. «пьяница», *мувало* с. «пройдоха», *пецкало* с. «задира, зубоскал, насмешник»,

спадало с. «бездельник, негодник», *тењезгало* с. «нерешительный человек», но некоторые отнесены и к мужскому роду, например *бало* м. «1. сопляк, слонтий; 2. болтун»; *блебетало* м. «болтун, пустомеля», *издирило* м. «козел отпущения». Возможно, эти пометы были просто перенесены из сербских и хорватских словарей.

Средний род в новогреческом языке

Абсолютное большинство существительных среднего рода в новогреческом языке — неодушевленные, что и естественно для данной категории. В их составе имеются существительные с исходом на *-ος*, т. е. такие, окончание которых в именительном падеже единственного числа совпадает с окончаниями существительных мужского, женского и общего рода на *-ος*. Однако данные существительные среднего рода склоняются иначе. Справочная грамматика [15] указывает одно одушевленное существительное из этой группы — *το μέλος*, «член» (употребляется в различных значениях), этимологически здесь возможна персонификация — ср. древнегреч. *τα μέλη* «члены (тела)» [16, с. 793], с пометой «обыкновенно во множественном числе». Помимо существительных на *-ος* в состав категории среднего рода в новогреческом языке входят также существительные с окончаниями *-ας*, *-ως*, *-ο*, *-ι*, на форманты *-μα*, *-ιμο* и (в виде исключения) на *-α*, на *-ν* и на *-ρ*, а также значительная группа заимствований из западноевропейских языков, которые могут оканчиваться как на гласные, так и на согласные.

Имеются некоторые одушевленные исключения: например, фаунонимы *το ἀλογο* «лошадь» и *το πρόβατο* «овца», собирательное существительное *το αυτρόυννο* «супружеская чета» и два результата персонификации — *το ἀτομο* «отдельная личность, индивидум» (из древнегреч. *η ἀτομος* «неделимая частица, атом») [16, с. 217] и *το πρόσωπο* «1. лицо; 2. личность» (из древнегреч. *το πρόσωπον* «лицо, фасад» (переносное значение приобретено позднее)) [16, с. 1091]. У этих существительных отсутствует соотнесенность с тем или иным полом (мотивирующий семантический признак пола).

В новогреческом языке к среднему роду относятся также несколько существительных, обозначающих детей, а именно: *το αγόρι* «мальчик», *το παιδί* «ребенок», *το κορίτσι* «девочка, девушка». Подобное явление в целом довольно типично для языков мира, имеющих средний род (ср. [5, с. 93]). А. Ралли, отмечая это явление в своей статье, дает ему объяснение, совершенно игнорирующее факт отнесенности данных существительных к особой лексико-семантической группе — обозначениям невзрослого потомства людей. Согласно ее толкованию, эти существительные относятся к среднему роду всего лишь в силу формальных причин — принадлежности к 6-му склонению (по ее терминологии); она ссылается при этом на то, что якобы в системе языка более конкретная информация, к которой относится формально-морфологическая принадлежность к определенному типу склонения, имеет преимущество перед более общей, менее конкретной информацией, каковой является информация семантическая, т. е. указание на пол референта [17]. Ошибочность этого тезиса показывает обширный типологический материал, согласно которому у личных существительных, за исключением особых лексико-семантических групп — обозначений «невзрослого потомства» и диминутивов — семантический критерий родовой мотивации имеет преимущество перед формальным. Исследовательница игнорирует тот факт, что ее тезис обоснован исключительно принадлежностью к среднему роду в новогреческом языке существительных двух типологически характерных групп — 1) перечисленной выше группы имен, обозначающих «невзрослое потомство» (ср. русск. *дитя*; нем. *das Mädchen* «девочка, девушка», а также латинские бытовые дет-

ские имена типа *Glicerium*); 2) диминутивов с суффиксом *-aki*, например: *το αυθροπάκι* «человечек», *το γιναικάκι* «миниатюрная женщина»; *το παιδάκι* «ребеночек» и образованных от собственных имен фамильярных форм типа *το Μαράκι* «маленькая Мария». Этим новогреческим диминутивам типологически соответствуют немецкие диминутивы с суффиксом *-chen* и латинские фамильярные имена детей типа *Glicerium*. Если же тезис А. Ралли был бы верен, то имена среднего рода встречались бы в новогреческом языке и среди других личных существительных, что не имеет места: существительные, обозначающие взрослых лиц, как то и характерно типологически, распределены между мужским и женским родами, а также относятся к общему, но не среднему роду.

Примечательно, что даже у существительных вышеописанной лексико-семантической группы средний род не является абсолютно устойчивым: у существительного *το κορίτσι* возможно согласование по женскому роду, а не только по среднему (как и у немецкого существительного *das Mädchen*), например *το κορίτσι πρέπει να είναι ερωτευμένη* «девушке следует быть привлекательной» [18, с. 2]. Интересно, что это один из редких в новогреческом языке случаев, когда согласование с прилагательными указывает на иное значение рода, чем определенный artikel.

О среднем роде в албанском языке — *neutro de materia*

Помимо классов мужского и женского рода в албанском языке выделяется также класс существительных среднего рода, показателем которого (в определенной форме) признается постпозитивный artikel *-t(ë)*, омонимичный artikelю существительных во множественном числе.

В состав этой категории в современном албанском языке входит, во-первых, небольшая (около пятнадцати слов) группа существительных, принадлежащих к древнему словарному фонду албанского языка, главным образом названий веществ (например, *dhjamë-t* «жир», *grurë-t* «пшеница», *gjalpë-t* «сливочное масло», *lesh-të* «шерсть», *miell-të* «мука», *mish-të* «мясо; плоть», *mjaltë-t* «мед», *ijë-t* «вода»). По мнению албанских ученых, категория среднего рода у этих существительных «имеет реликтовый характер» [19, с. 93].

К этому же родовому классу относятся также существительные от причастного и отадъективного происхождения — имена качества и действия, названия абстрактных понятий и т. п., например, *të qenët* «бытие»; *të ecurit* «ходьба», *të ftohtët* «холод; простуда». В современном языке такие имена существительные, среди которых присутствует значительное число терминов, составляют продуктивный и многочисленный словообразовательный класс.

Одушевленных существительных среднего рода в современном албанском языке нет.

В албанистике неоднократно дискутировался вопрос о том, отвечает ли термин «категория среднего рода» содержанию определяемого им понятия. Видные ученые-албанисты XIX в. И.-Г. фон Хан и Г. Мейер, основываясь на совпадении морфологических показателей у существительных во множественном числе и у существительных данного разряда, были склонны видеть в них категорию собирательной множественности [20, с. 27; 21, с. 78]. Той же точки зрения придерживался и Л. Ельмслев (см. [22, с. 130, 133]). Однако Х. Педерсен обосновал происхождение существительных типа *ijë-të* от индоевропейского среднего рода, заложив основу господствующей сегодня в этом вопросе научной традиции (см. [23]). А. В. Десницкая, однако, вновь попыталась опровергнуть та-

кую точку зрения, предложив рассматривать данный класс существительных как особую «категорию (определенной) массы» [24, с. 71–93].

На данном этапе изучения вопроса здесь можно сказать только, что в диагностических контекстах типа *nga tē nxehtit e madh*² «от сильной жары» формы среднего рода атрибута четко отличаются от форм и женского рода, и множественного числа (нулевой флексией), что не позволяет трактовать албанский средний род как категорию собирательной множественности, вопреки мнению И.-Г. фон Хана, Г. Мейера, Л. Ельмслева, — налицо показатели единственного числа.

Вопрос об отражении среднего рода албанских существительных на синтаксическом уровне действительно нуждается в дальнейшем исследовании, которое должно быть предпринято отдельно. Возвращаясь же к трактовке албанского среднего рода как особой категории, уместно вспомнить, что филологам-романистам давно известно о существовании в диалектах Южной Италии и в астурийском языке категории, именуемой *neutro de materia* «средний вещественный род». Он оформляет «неисчисляемые существительные, обозначающие вещества, качество, свойство, действие и противопоставленные как мужскому, так и женскому роду», например южно-итал. ср. р. *lo padre* «отцовство» (от м. р. *lu padre* «отец»), астур. ср. р. *fierro* «железо» (ср. м. р. *fiirru* «железяка»). «Этот же род имеют субстантивированные прилагательные и субстантивированные инфинитивы» [27, с. 37].

В современном албанском языке основу категории среднего рода составляют субстантивированные причастия (реже — прилагательные). Такие причастия чаще всего близки по значению субстантивированным инфинитивам, но в некоторых случаях — и субстантивированным прилагательным (ср. алб. ср. р. *tē shëmtuar-it* «уродство» (от *i shëmtuar* «уродливый» — адъективированное причастие) и центр.-южно-итал. ср. р. *lo brutu* «уродство»; алб. ср. р. *tē kuq-tē* «красный цвет или краска» и южно-итал. ср. р. *lo rusciu* «красный, рыжий цвет». К ним примыкает описанная выше группа древних существительных со значением вещества, а еще точнее, со значением нерасчлененной массы вещества (один из зачинателей албанского языкоznания С. Фрашери отмечал, что эти существительные переходят в мужской род, если говорящий хочет уточнить их вид, количество, состояние [28, с. 102]). Не случайно и А. В. Десницкая видела в этих существительных «категорию собирательности и массы» [24].

Итак, все вышесказанное дает веские основания трактовать средний род в албанском языке именно как *neutro de materia* — «средний вещественный род».

Об обоюдном роде в албанском и румынском языках³

В албанском языке к обоюдному роду относятся такие существительные, которые в единственном числе морфологически оформляются и согласуются как существительные мужского рода, а во множественном числе согласуются по типу женского и среднего рода и, как правило, морфологически оформлены также по типу женского рода (плюральным суффиксом *-e*) или среднего рода (плюральным суффиксом *-ra*).

² Пример цит. по [25, с. 27], со ссылкой на [26, с. 88].

³ В настоящей статье не рассматриваются имеющиеся в новогреческом и сербохорватском языках группы существительных мужского рода в единственном числе, которые во множественном числе могут изменять род на средний.

В румынском языке к обоюдному роду относятся существительные, которые, подобно албанским существительным, принадлежащим к тому же родовому классу, в единственном числе морфологически оформляются и согласуются по типу мужского рода, а во множественном числе согласуются по типу женского рода, причем большая часть из них получает и морфологический облик, характерный для женского рода (посредством оформления флексией множественного числа *-e*), хотя значительная часть этих существительных имеет иную флексию множественного числа *-uri* (из лат. *-or-a*, что указывает на генетическую связь с латинскими плюральными основами среднего рода).

Единственным надежным критерием отнесенности к этому родовому классу в обоих языках является согласование, хотя в албанском языке многие из этих существительных испытывают колебания в согласовании (иногда встречается их согласование по мужскому роду [29, с. 208–209]).

В албанских грамматиках эти существительные традиционно не выделяются в особый родовой класс, а именуются просто «амбигенным» (букв. «двуродовым» — *dygjinishëm*). В румынских грамматиках эти существительные выделяются в особый родовой класс, но под названием среднего рода, и им приписывается особая семантика неодушевленности. Как будет показано ниже, этот тезис нуждается в уточнении.

Албанские существительные обоюдного рода могут иметь плюральный суффикс *-e*: ед. ч. *grusht i mbledhur* «сжатый кулак» — мн. ч. *grushtë të mbledhura* (окончание множественного числа прилагательных *-a* указывает на форму женского рода) или плюральный суффикс *-ra*: ед. ч. *mall i shtrenjtë* «дорогой товар» — мн. ч. *mallra të shtrenjta*. Явление амбигенности часто возникает и там, где плюральный формант *-a* присоединяется к исходу основы единственного числа на *-r*: ед. ч. *një libër i mirë* «(одна) хорошая книга» — мн. ч. *libra të mira*. У остальных существительных с плюральным формантом *-a*, а в других случаях и с плюральным формантом *-ë* явление амбигенности возникает реже и проявляется неустойчиво. О. Бухгольц и В. Фидлер, приводят такие примеры из албанской литературы: ж. р. мн. ч. *hapat e para* vs. м. р. мн. ч. *hapat e parë* «первые шаги» [цит. по: 29, с. 209]. Часто оно отмечается у существительных с суффиксом *-ent*: *argumenta të të mira* «наилучшие аргументы» и у существительных, обозначающих «части тела и тому подобное»: *veshët e gjata* «длинные уши», *flokët e thinjura* «седые волосы» [29, с. 209; см. тж. 29, с. 242, прим. 14].

Румынские существительные обоюдного рода имеют плюральную флексию *-e*: ед. ч. *un scaun bun* «хороший стул» — мн. ч. *scaune bune* или плюральную флексию *-uri*: *un lucru frumos* «красивая вещь» — мн. ч. *lucruri frumoase*. Некоторые румынские существительные обоюдного рода образуют множественное число двояко (как с флексией *-e*, так и с флексией *-uri*). При этом в одних случаях не наблюдается смыслового различия: *canal* «канал» — мн. ч. *canale/canaluri*, в других же различные формы множественного числа соответствуют разным значениям: *raport* «доклад» — мн. ч. *rapoarte, raport* «отношение» — мн. ч. *raporturi* [30, с. 28].

В румынской грамматической традиции издавна утверждается, что классу имен существительных «среднего» (т. е. обоюдного) рода свойственна особая смыслоразличительная семантика, а именно семантика неодушевленности [31, с. 88–89 и прим. 33 — библиографические ссылки⁴]. При этом отмечаются некоторые исключения, а именно су-

⁴ Л. И. Лухт указывает, что семантика румынских существительных среднего (обоюдного) рода — это «обозначение предмета» [31, с. 89]. На наш взгляд, здесь чрезесчур значительное упрощение.

ществительное *animal* «животное» и существительные с собирательным значением, обозначающие коллективы людей, например: *popor* «народ», *cabinet* «кабинет министров», *club* «клуб» (т. е. члены клуба), *batalion* «батальон», которые едва ли можно признать одушевленными с точки зрения общелингвистической типологии. Однако принципиально важно в данном случае другое: по-видимому, ни одному из этих существительных-исключений не свойственна семантика пола.

В албанском языке отмечается аналогичное явление. Л. В. Шарапова в статье «Согласовательные классы имен существительных в албанском языке», отмечает «критерий неодушевленности, являющийся отличительным признаком этого класса... в современном языке» [25, с. 38]. Напротив, И. И. Воронина пишет по поводу того же явления, что «для современного языкового состояния двойственное согласование существительных представляет собой явление формальное, лишенное особой грамматической семантики» [32, с. 20]. Который из этих тезисов верен? По-видимому, оба тезиса содержат в себе рациональное зерно, и в то же время оба нуждаются в уточнении.

Ш. Демирай также указывает, что данный класс существительных включает в себя «лишь названия неодушевленных объектов и растений» [33], но это утверждение неточно. В числе албанских существительных обоюдного рода О. Бухгольц и В. Фидлер выделяют «обозначения мелких животных», такие, например, как *bakterie* «бактерии», *insekte* «насекомые», *mikrobe* «микроны». Впрочем, к этому же классу относятся и некоторые названия диких птиц, причем не только мелких, например: *shtërg* — *shtërgje* «аист — аисты», а также некоторые «абстрагированные обозначения лиц», например: *personalitetë të larta* «высокопоставленные лица», *personazhe positive* «положительные персонажи» [29, с. 208–209]. Что общего у этих существительных с названиями предметов и абстрактных понятий? Только одно: всем им не свойственна семантика пола.

И. И. Воронина пришла к цитируемому выше выводу, проанализировав положение категории обоюдного рода в албанских говорах. Фактически ей удалось установить следующее: если в данном говоре в числе существительных характерного для обоюдного рода определенного морфологического типа оказываются такие, для которых релевантна родоразличительная семантика, особенно названия лиц мужского пола, например алб. диал. *gjysh* «дедушка» — мн. ч. *gjyshre*, то весь этот морфологический разряд в данном говоре не характеризуется двойственным согласованием, а входит в состав категории мужского рода [32, с. 19–27]. Но из этого следует, что для существительных обоюдного рода в албанском языке (как и в румынском) все-таки характерна особая семантическая характеристика (признак со знаком «минус»), а именно отсутствие семантики пола⁵. Только эту семантическую характеристику, а вовсе не категориальное значение неодушевленности можно приписать и румынским существительным обоюдного рода.

К. Тогебю, рассматривая формальное сходство албанской и румынской родовых систем, т. е. прежде всего наличие в обеих системах категории обоюдного рода при

⁵ Примечательно, что у некоторых существительных имеются дифференцированные семантически варианты образования множественного числа: вариант с суффиксом *-ë* указывает на то, что существительное обозначает лиц (мужского пола), а вариант с суффиксом *-e* указывает на неодушевленные объекты или понятия, например: *elemente kimike* «химические элементы» — *elementë armiq* «враждебные элементы» (о лицах определенных политических убеждений) [29, с. 209]. То же самое явление наблюдается у существительного *kampion* — в значении «геологический образец, проба» оно образует множественное число с суффиксом *-e*, а в спортивном значении «чемпион» и в значении «защитник» (ср. англ. *champion*) — с суффиксом *-ë* [3, с. 70].

отсутствии традиционного среднего, видел в этом влияние фракийского субстрата [34]. Согласно Ш. Демираю [33], той же точки зрения придерживались М. А. Габинский и А. Росетти. Л. В. Шарапова оспаривает правильность такой гипотезы, указывая на то, что в албанском языке средний род все-таки есть, тогда как в румынском его нет [25, с. 35]. Однако едва ли можно согласиться с Л. В. Шараповой в том, что албанский средний род сохраняет «различительные признаки» индоевропейского среднего рода (см. [там же]).

Ш. Демирай видит в явлении амбигени в албанском языке (оставляя в стороне румынский) простое действие закона аналогии — существительные, имевшие во множественном числе типичные для женского рода окончания, уподобились существительным женского рода и по своему согласованию во множественном числе (в тех случаях, когда этому не препятствовала семантика пола, у одушевленных существительных часто очевидная). Однако в этом случае возникает неизбежный вопрос — чем объясняется то, что существительные мужского рода приобрели плюральные аффиксы, типичные не для мужского (как, например, *-ë*), а для женского рода? И нельзя не замечать бросающееся в глаза сходство не только в составе системы родовых классов, но и в форме основных плюральных аффиксов обоюдного рода (*-e* и *-ra* в албанском языке, *-e* и *-uri* — в румынском). Если добавить к этому сходство на семантическом уровне (отсутствие у существительных обоюдного рода семантики пола), хотя оно и может быть обусловлено pragmatischen причинами, наличие подобной почти полной аналогии все-таки наводит на мысль либо о тесном взаимовлиянии румынского и албанского языков на этапе их до-письменного развития (до XIV–XV вв.), либо о правильности «субстратной» гипотезы К. Тогебю, либо о том и другом вместе⁶.

Итоги

Семантическая мотивированность грамматического рода личных имен существительных и наибольшая последовательность синтаксического критерия определения рода — в балканских языках это столь же убедительные закономерности, как и в целом в лингвистической типологии. В статье описаны некоторые исключения из этих правил и показано, что они ни в коей мере не позволяют ставить сами эти правила под сомнение.

⁶ Есть еще одна попытка объяснить это явление. Румынский лингвист И. Пэтруц объяснял его влиянием латинского языка, но Ш. Демирай отвергает и это, настаивая на независимом развитии амбигени в албанском и румынском языках и утверждая, что латинское влияние на грамматическую систему албанского языка было «очень слабым» и что явление амбигени в албанском языке представляется ему менее древним, так как его почти не сохранили обычно консервативные арберешские диалекты [33]. Но эти диалекты — тоскские (представляют южный вариант албанского языка), а в гегских (северных) древнейших памятниках албанской письменности оно представлено в полной мере, как об этом пишет и Ш. Демирай [35, с. 31; 36, с. 207]. По его словам, амбигени в гегском варианте албанского языка более распространена и «представляется древнее», чем в тоскском [35]. О большей распространности этого явления в современном гегском, чем в тоскском, В. Фидлер пишет, что это относится только к существительным с плюральным формантом *-e*, но не *-ra* (гегск. *-na*), так как у этих последних «все обстоит наоборот» [37, с. 101], но по поводу большей древности амбигени в гегском варианте албанского языка он подтверждает мнение Ш. Демирая. Возможно, поэтому в албанском литературном языке, основанном на тоскской норме, явление амбигени менее стабильно, чем в румынском. Мнение же Ш. Демирая о его независимом происхождении в этих двух языках основано на двух спорных предпосылках: что оно сложилось в эпоху, когда восточнороманские и древнеалбанский языки уже не находились в ареальном контакте [36, с. 208], и что воздействие латыни на язык предков гегов и тосков было одинаковым по силе и одновременным.

Демонстрируется наличие четкой аналогии в семантике и грамматическом оформлении болгарских и македонских (*дете-то* «ребенок»), сербохорватских (например, *дете* «ребенок»), новогреческих (например, *το παιδί* «ребенок») и одного староалбанского (*djalët-ë* «младенец») существительных среднего рода, обозначающих потомство людей, а также многочисленные аналогии в семантике и грамматическом оформлении существительных обоюдного рода (амбигенных) в албанском и румынском языках.

Предложена также новая характеристика среднего рода в албанском языке как в диахроническом аспекте, так и особенно в его нынешнем состоянии.

Источники и литература

1. *Bazell C.* The Rumanian neuter: a rejoinder. *Cahiers Sextil Pușcariu*. 1953. II.
2. *Лухт Л.И., Нарумов Б.П.* Румынский язык // Языки мира. Романские языки. М., 2001. С. 574–636.
3. *Fonetika dhe gramatika e gjuhës së sotme letrare shqipe*. Vol. I–II. Tiranë, 1976. Vol. II. 400 f.
4. *Усикова Р.П.* Грамматика македонского литературного языка. М., 2003. 376 с.
5. *Немировский М.Я.* Род и пол: из истории античной грамматики и ее влияния // Уч. зап. Северо-Осетинского гос. пед. ин-та. Орджоникидзе, 1938. Т. 1. С. 53–103.
6. *Сардушикин В.М.* Грамматический род одушевленных существительных в албанском языке: дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2002. 247 с.
7. *Маслов Ю.С.* Очерк болгарской грамматики. М., 1956. 292 с.
8. *Маслов Ю.С.* Грамматика болгарского языка. М., 1981. 407 с.
9. *Aronson H. I.* The Gender System of the Bulgarian Noun // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1964. N 8. P. 87–101.
10. *Мельникова Л.В.* Категория рода в современных болгарском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 1996. 154 с.
11. *Станков В., Мурдолов В.* Главоболия с чуждите думи. София, 1983. 167 с.
12. *Стоянов Ст.* Граматическата категория определеност в българския език (Членуване на имената). София, 1980. 208 с.
13. *Ivić M.* Relationship of Gender and Number in Serbo-Croatian Substantives // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1963. N 6. P. 51–57.
14. *Толстой И.И.* Сербскохорватско-русский словарь. Српскохорватско-руски речник. М., 2001. 731 с.
15. *Holton D., Mackridge P., Philippaki-Warburton I.* Greek: a comprehensive grammar of the modern language. London, 1997. 544 p.
16. *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. СПб., 1899. 1370 стб.
17. *Ralli A.* The role of morphology in gender determination: evidence from Modern Greek // Linguistics. 2002. Vol. 40, N 3. P. 519–551.
18. *Chila-Markopoulou D.* Le genre et la grammaire. La variation du genre et la notion du prototype en grec modern. Universite d'Athènes. 2005. URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache: NXieRD1vMskJ: a.donabedian.free.fr/textes/Markopoulou%2520Handout.doc+23.+Chila-Markopoulou+D.+Le+genre+et+la+grammaire.+La+variation+du+genre+et+la+notion+du+prototype+en+grec+modern.+Universite+d'Athènes.+2005.&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 11.04.2010).
19. *Gramatika e gjuhës shqipe*. Vol. I–II. Tiranë, 1995. Vol. I. 452 f.
20. *Hahn I. G. von.* Albanesische Studien. Vol. I–III. Jena, 1854. Vol. II. 169 S.
21. *Meyer G.* Kurzgefasste Albanesische Grammatik. Leipzig, 1888. 105 S.
22. *Ельмслев Л.* О категориях личности — неличности и одушевленности — неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 114–152.

23. *Pedersen H.* Das Albanesische Neutrum // *Zeitschr. f. vergl. Sprachforschung.* 1897. Bd 34. S.283–291.
24. *Десницкая А. В.* Категория собирательности и категория массы в истории грамматического строя албанского языка // Грамматический строй балканских языков. Л., 1976. С. 5–105.
25. *Шарапова Л. В.* Согласовательные классы имен существительных в албанском языке // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л., 1979. С. 16–43.
26. *Fjalor i gjuhës shqipe.* Tiranë, 1954. 648 f.
27. *Алисова Т. Б., Челышева И. И.* Романские языки // Языки мира. Романские языки. М., 2001. С. 15–56.
28. *Frasheri S.* Shkronjëtore e gjuhësë shqip prei S. H. F. (1886) // *Frasheri S. Vepra.* Tiranë, 1988. Vol. 2. S.95–221.
29. *Buchholz O., Fiedler W.* Albanische Grammatik. Leipzig, 1987. 582 S.
30. *Репина Т. А.* Румынский язык. М., 1968. 189 с.
31. *Лухт Л. И.* Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Румынский язык. М., 1970. 219 с.
32. *Воронина И. И.* Динамика существительных с двойственным согласованием (амбигенных) в албанских говорах // Проблемы балканистики. СПб., 1992. С. 19–27.
33. *Demiraj Sh.* The Change of Gender in Albanian Nouns // *Albanian Life.* 1969. N 2.
34. *Togeby K.* Le neuter en roumain et en albanais // *Revue Romane.* 1968. Num. Special 2. Copenhague. P.150–164.
35. *Demiraj Sh.* Morfologjia e gjuhës së sotme shqipe. Prishtinë, 1971. 288 f.
36. *Demiraj Sh.* Gramatikë historike e gjuhës shqipe. Tiranë, 1986. 1167 f.
37. *Fiedler W.* Zum Genus im Albanischen // *Beiträge zur Schprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung.* 1965. N 5. S.87–102.

Статья поступила в редакцию 25 января 2011 г.